

О.В. Алексеева (Москва)

4 и 5 ЯНВАРЯ 1878 ГОДА В ИСТОРИИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КЕКСГОЛЬМСКОГО ПОЛКА

СРЕДИ МАССИВА ФОТОГРАФИЙ, поступивших в Исторический музей в конце 1920-х гг. из разрозненных фондов музеев полков Императорской армии России, находится фотография на паспарту, с изображением скромной могилы с возвышающимся на ней крестом и железной оградкой (ил. 1). На паспарту под фотографией следующая надпись: «Подпоручик Кексгольмского Гренадерского Императора Австрийского полка. Карл Андрей Генрихович Кригер. Убит в деле против турок под д. Карагач, получивший 16 штыковых ран. Мир праху твоему, товарищ!»

В истории лейб-гвардии Кексгольмского полка военный поход в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., безусловно, был одним из значимых за двухвековую службу, с выдающимися боями и подвигами как целого полка, так и отдельных чинов. Бой у д. Карагач 4 января 1878 г. и подвиг поручика Кригера были наиболее почитаемы в полковой семье как пример стойкости и готовности «положить жизнь за други своя», той «силы духа», с которой побеждают при превосходстве вооружения и численности у противника.

Свидетельства о том военном походе отражены в дневниковых записях, составленных офицерами-кексгольмцами Е.В. Ивановым, К.Н. Коноваловым, Д.В. Де-Виттом и унтер-офицером Никитой Ефремовым, непосредственными участниками событий.

Обстановка июля 1877 г., после второго штурма Плевны, отступления русской армии и поражения у Эски-Загры повлияла на решение вызвать на Балканы Гвардейский корпус. Кексгольмский Гренадерский императора австрийского полк, входивший в его состав, был переправлен из Варшавы 28 августа 1877 г.

Ил. 1. Памятник на могиле подпоручика Кексгольмского Гренадерского полка Карла Кригера, убитого под деревней Карагач. ГИМ, инв. номер И VI 17270 ГИМ 68257

Западный отряд генерала И.В. Гурко, в состав которого вошел полк, был сформирован как специальный для взятия турецких редутов Горный Дубняк, Дольний Дубняк и Телиш, охранявшие дорогу София – Плевна, являвшуюся магистралью достав-

ки подкреплений к Плевненской крепости. Возглавлявший осаду Тотлебен считал взятие редутов возможностью добиться блокады крепости.

Путь Кексгольмского полка после присоединения к западному отряду генерала И.В. Гурко до д. Карагач был неимоверно труден: непрерывные дожди, холодные осенние ночи и, наконец, форсирование Балкан, решение о котором было принято 30 ноября 1877 г. на военном совете.

Согласно получаемым приказаниям, полк продвигался по Софийскому шоссе в боевом порядке, с артиллерией, в столкновениях с турецкими войсками, укрепляясь на занятых позициях в Телише, Радомирце, д. Чумаковице, д. Крушевице, преодолевая подъемы и спуски заснеженных Балкан, вопреки тому, что даже «знакомые с горами местные жители считали, что русские идут на верную смерть»¹.

Вот как описано в официальном дневнике участника Балканского похода офицера Е.В. Иванова начало подъема Кексгольмского полка на Балканские горы: «16 декабря в голове эшелона следовали 2, 3 Гвардейский и финский стрелковые батальоны, затем Кексгольмский Гренадерский полк и в хвосте колонны Лейб-Гвардии Литовский полк. На долю полка выпало нести <...> 8 орудий и такое же число ящиков... В каждой роте полурота была назначена к орудью или ящику, а другая полурота несла оружие. Затем последовало изменение приказа, заряды были вынуты из ящиков и неслись людьми, так что весь 4 батальон исключительно нес снаряды. В самом же начале подъема небо заволочло тучами, поднялся сильный ветер и затем пошел крупный снег. В скором времени метель сделалась до того сильна, что совершенно залепляла глаза и от ветра едва можно было держаться на открытых, не защищенных вершинами других гор, местах. На дороге, покрытой ледяною корою, для облегчения подъема, были сделаны зарубки, но в скором времени все это занесло снегом и подъем, и без того трудный, сделался тяжелым до крайности, вследствие всех этих обстоятельств движение производилось крайне медленно <...> так что после невероятных трудов в течение целого дня полк достиг вершины горы едва часам к 12-ти ночи. На ночлег остановились на вершине горы. В глубоком снегу были раскинуты палатки, и люди были утомлены до такой степени, что большинство легло спать в палатках на снегу,

без всякой подстилки и лишь немногие разводили костры и ставили котелки для варки пищи»².

В дневниках участников похода повседневность представлена по-военному сдержанно, трагизм событий проступает в тяжести создавшихся условий – горные кручи, лютая стужа, неимоверное напряжение долгих переходов, часто без отдыха и пищи, и при этом способность испытывать счастье, если удалось избежать гибели людей...

Офицер полка К.Н. Коновалов в походном дневнике, который велся официально, по назначению, отмечает: «...спуск был еще труднее: теперь уже не приходилось везти; напротив, ящики и орудия сами везли люди. Крутизна спуска была такова, что ящики и орудия нужно было удерживать канатами, но в некоторых местах сил целой полуроты не хватало для этого и ящик или орудие летели с чрезвычайной быстротой, таща за собою на канатах сбитых с ног людей. На изворотах дороги они сами собою останавливались и ротные командиры спрашивали: есть ли раненые между людьми. Ящик, ведомый 3-ю стрелковою ротой, на одном из подобных спусков перевернулся колесами вверх и дышло его разлетелось вдребезги.»³ С грянувшими морозами людей постигли новые испытания: «...шинели, сапоги, два дня бывшие в снегу, совершенно промокшие, замерзли и положительно одеревенели». Оставался еще один крутой спуск с частыми поворотами, тут было получено приказание генерала Гурко – направляться безостановочно в с. Чурьяк, находившееся в 5 км. «Всю ночь полк бился на этом спуске, и только к 3 часам следующего дня, т. е. 18 декабря, он весь собрался в с. Чурьяк»⁴.

Тяжелый переход был преодолен со значительными потерями: «С приходом в Чурьяк оказалось в полку 137 человек с отмороженными пальцами на ногах и в такой степени, что люди эти уже неспособны были к дальнейшему движению, рядовой же 3-й роты Мартин Дроудин отошел от орудия в сторону и сразу, никем не замеченный, сел и заснул; когда же его нашли и начали будить, то он издавал какие-то неясные звуки и, несмотря на поданное медицинское пособие, умер от замерзания»⁵.

Люди, неспособные идти дальше из-за сильнейшего обморожения, были оставлены в ближайшей деревне. Полк продолжал движение, так же сопровождая артиллерию по спускам и подъемам горных троп в с. Негашево, Ташкисен, Дольние Комарцы,

по Злотицкому шоссе, в перестрелках преследуя отступавших турок, строя редуты, пережив тяжелое впечатление от события под Горными Комарцами.

Начало января ознаменовалось для кексгольмцев ночным боем с турками и отбитием турецкой артиллерии у д. Карагач – именно с такой формулировкой впоследствии указывались в послужных списках события 4 и 5 января 1878 г.

4 января, почти в четыре часа утра, Кексгольмский полк вместе с л.-гв. Литовским был двинут, согласно приказу, к реке Мо-рице, для дальнейшего следования через Филиппополь в Станимак. В 9 утра началась переправа, продолжавшаяся около четырех часов, на кавалерийских лошадях, которые шли с трудом из-за глубокой, ледяной воды. В шесть часов вечера бригада вышла на Филиппопольское шоссе, где «было получено известие от драгунской бригады, что д. Карагач, лежавшая вправо от шоссе у подошвы гор, сильно занята неприятелем»⁶.

Интересны своим простонародным стилем дневниковые записи унтер-офицера Никиты Ефремова: «...пройдя версты 4, вдруг с правой стороны, в то время уже вечерело, на нас выстрел оружейный с деревушки, еще, еще и еще, вот и пошла писать, а оно уже совсем вечереет. Нас сейчас же в атаку, рассыпали цепь, остальные части сомкнутыми колоннами двинутся в след и он все сыплет и сыплет беспрестанно, и нам приказано, чтобы идти без выстрела тихо и когда близко подойдем, то вдруг броситься на “ура!”, а того себе не вообразили, что армия Сулейманова в 20 тысяч, а нас всего 6 батальонов...»⁷ В наступление шли три батальона Кексгольмского и три л.-гв. Литовского полка. Начало наступления и подвиг поручика Кригера весьма подробно описаны в личном боевом дневнике молодого офицера 4-го батальона Кексгольмского полка Д.В. Де-Витта: «Правее Литовских была батарея конной артиллерии (которая, однако, кончила стрельбу и уехала по случаю сумерек, когда только началось наступление), а правее артиллерии шел наш первый батальон, перестроившись поротно с цепью впереди. За первым батальоном шел наш батальон сначала в колонне, причем также перестроившись поротно. Второй батальон оставался в резерве. При нем был и командующий нашим полком Авенариус⁸. Наш батальон наступал около часа. Мы не стреляли, потому что было далеко и темно. Турки же стреля-

ли довольно часто, как из ружей, так и орудий, потери, однако, были у нас во время наступления незначительные. Один офицер поручик Никушкин легко ранен в ногу и контужен в правое ухо и десяток нижних чинов (так в документе. – *Авт.*). Наконец, когда уже было недалеко до деревни Карагач, наш батальон перестроился поротно, выслал цепь и продолжал наступление вместе с первым нашим батальоном. Когда поручик Никушкин выбыл из строя, то командование над 14 ротой принял поручик Кригер. Наконец совсем стемнело. Пальба продолжалась как из орудий, так и ружей, но только со стороны неприятеля. Вдруг раздалось громкое “Ура”, на левом нашем фланге у Литовцев. Это ура тотчас было подхвачено нашими. Вся линия бросилась бежать вперед. Началась атака деревни Карагач. Второй и третий батальоны Литовцев отбили 18 орудий у неприятеля; у них происходило дело против правого конца деревни; наш же батальон и 1 и 2 роты 1 батальона бросились на “ура” на левый конец деревни. Здесь-то началась рукопашная. Первая рота взяла с бою 6 орудий и 96 человек пленными. Рукопашная продолжалась минут тридцать. Страшно было видеть эту ужасную картину. Турок было уничтожено громадное количество. Во время атаки поручик Кригер отделился от роты с десятком солдат и набросился на большую кучу турок. Пуля попала в горло, и он упал, но во время падения был подхвачен штыками и ужасно изранен. В нем нашли 16 штыковых ран»⁹.

Описания обстоятельств гибели Кригера с различными подробностями есть во всех дневниках: «В цепи перед 4-м батальоном шла 14-я рота под командой поручика Никушкина, который, тотчас после первого крика “Ура!”, пораженный двумя осколками, упал. Поручик Кригер, временно прикомандированный к 13 роте, узнав об убытии из строя командира 14 роты, немедленно принял командование 14 роты и продолжал атаку: в остервенении бросился поручик Кригер перед цепью, вооруженный саблей, которую офицеры называли по незначительной величине ее зубочисткой, вскочил в ложемент, занятый турками, и, раненый 16-ю штыковыми ранами в грудь и одной в верхнюю челюсть, умер геройской смертью. Жестоко же отомстили солдатики за своего храброго офицера, они били турок, чем попало, от ложемента ни один турок живым не вышел, и наши солдатики вылезли оттуда с изогнутыми штыками или ломаными и раз-

битыми прикладами, можно себе представить, на что были похожи турецкие головы, об которые были сломаны наши крепкие, орехового дерева приклады»¹⁰.

Карагач пришлось очищать от неприятеля постепенно, так как в каждом доме, засевшие турки продолжали стрелять. Подпоручик Кексгольмского полка И.И. Федяй, командовавший в то время 16-й ротой, с небольшой частью солдат своей роты сумел захватить в плен 49 турок. При этом, выбивая из домов засевших в них последних оставшихся в деревне турок, голодные солдаты собирали всевозможные съестные припасы, не забывая поделиться ими с офицерами.

Примерно в два часа ночи в деревню приехали кавалерийские разъезды с новым донесением, что к деревне приближается значительная масса турок. К командиру Кексгольмского полка Я.П. Авенариусу, оставшемуся в резерве у Филиппопольского шоссе при 2-м батальоне, немедленно был отправлен офицер Де-Витт для получения распоряжения о дальнейших действиях и предупредить, что в 4-м батальоне солдаты только что пережили рукопашный бой и значительно изнурены, поэтому поддержка 2-го батальона необходима. Тем временем ободряемые офицерами солдаты 4-го батальона срочно заняли оборону на левом краю д. Карагач для второго столкновения с неприятелем. Как только роты полка устроились за небольшим валом, послышались турецкие сигналы, означающие усиление пальбы, и на освещенном луною пространстве возникла неприятельская цепь.

Наступление турок можно назвать психической атакой. К.Н. Коновалов: «На наших двигалась какая-то огненная линия; свет от непрерывной стрельбы был настолько значителен, что можно было различить отдельные фигуры людей из цепи. Наши успели заметить, что неприятельская цепь была двойная, т. е. в два ряда; одна передняя стреляла, а другая двигалась молча, составляя, вероятно, резерв первой. Обе линии были до того густы, что походили скорее на развернутый фронт, чем на стрелковую цепь»¹¹. Н. Ефремов: «Вот он и двинется на нас как туча, а мы все лежим не дышим, рожок их играет ти-ти-ти-ти...»¹² К.Н. Коновалов: «Какое-то неприятное чувство охватывало каждого из наших, когда в ночной тиши раздавались эти заунывные, захватывающие душу звуки, как будто бы они вызывали сонмы духов из-под земли. Они явились на зов, и опять затрещали, освещая

пространство, выстрелы, и с криками “алла, алла!” вновь двинулись на наших густые стройные цепи неприятеля»¹³.

Подпустив турок на близкое расстояние, по ним открыли стрельбу залпами: «Наши стреляли очень мало, за неимением достаточного количества патронов. У нас делались только залпы и то небольшими частями сразу»¹⁴; «неприятель все подвигался вперед, и только после того как каждая рота успела дать 6–8 залпов, он повернул назад; еще несколько залпов вдогонку, и наши свободно перевели дух. Но не весь неприятель отступил, часть его, правда самая незначительная, засела за различными прикрытиями и все время стреляла оттуда по нашим»¹⁵. Между тем, положение становилось критическим – патронов катастрофически не хватало, подоспевший на помощь 2-й батальон передал часть своих патронов 4-му батальону, но и этого могло не хватить при дальнейших атаках, «в таком случае было решено следующее: подпустить турок на самое близкое расстояние, дать им в упор залп последним патроном и затем обоим батальонам броситься в штыки. Отбитые два раза турки взялись за ум: в третий раз они двинулись вперед без сигналов, стрельбы и криков “Алла”. Их цепи двигались или перебегая, согнувшись, от закрытия к закрытию, или, наконец, ползком, смотря по местности. Но снег и луна выдали их нашим ранее, чего они, вероятно, желали, и, хотя они подобрались, что называется, под самый нос, наши так их ловко встретили залпами, что они бросились назад гораздо скорее, чем пришли. Эта атака и быстрое отступление неприятеля вызвали немало смеха у солдат»¹⁶. Последовавшая через полчаса четвертая атака турок оказалась менее энергична, и, едва кексгольмцы успели сделать по залпу, неприятель окончательно отступил. К.Н. Коновалов отмечает: «Хвати у турок энергии еще на одну атаку, и оба батальона остались бы без патронов; а с помощью одних штыков едва ли удалось бы им долго продержаться, несмотря на отчаянное решение офицеров не отступать ни в каком случае. Если бы эти батальоны были опрокинуты, то результат всего боя при с. Карагач был бы совершенно другой; и едва ли бы утомленные и ослабленные предыдущим боем роты Литовского полка смогли удержать надолго натиск свежих неприятельских колонн»¹⁷.

После окончания боя Кексгольмский полк по приказанию следовал к д. Паша Магале, увязая в заснеженных зарослях ви-

ноградника, передвигаясь с отбитыми у турок шестью орудиями, которые тащили без лошадей, используя вместо канатов связанные палатки из полусгнившего полотна. В бою с 4 на 5 января полк потерял: убитыми – 1 офицер, нижних чинов – 15, контужен – 1 офицер, ранены – 27 нижних чинов.

В дополнение к данным о человеческих потерях в вышеописанном бою приведем сведения о физическом состоянии кексгольмцев на пути следования от Плевны до Адрианополя, т. е. от 1 октября по 20 января: «...заболевших было всего 385 чел; цифра довольно значительная; но если принять во внимание тяжелые переходы, отсутствие продовольствия, то придется только удивляться выносливости солдатских организмов. Но как бы ни были выносливы люди все-таки по лицам ясно была видна тяжесть похода. С бледными, осунувшимися, с громадными синяками под глазами, лицами люди были более похожи на мертвецов, нежели на живых людей. Зачастую ротный командир не узнавал своего солдата, с рекрутства служившего в роте. Главная болезнь за это время была лихорадка, которой легко заболевали истощившиеся организмы»¹⁸.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., с проявленным невероятным самопожертвованием, по обилию полковых наград превзошла Отечественную войну 1812–1814 гг., только Георгиевские знамена и штандарты были пожалованы полкам русской армии 83 раза.

Кексгольмскому Гренадерскому императора австрийского полку Георгиевские знамена были пожалованы 30 июля 1878 г., о чем свидетельствует запись в дневнике К.Н. Коновалова: «...офицеры полка получили приглашение прибыть на Чуфлик, где квартировал командующий полком; прибыв сюда, они узнали, что его императорскому Величеству благоугодно было пожаловать всем четырем батальонам полка Георгиевские знамена: четвертому батальону с подписью “За 4 января”, а прочим батальонам с подписью: “За турецкую кампанию 1877–1878 гг.”»¹⁹. Позднее, в 1894 г. за боевые заслуги полку были пожалованы права Старой гвардии с переименованием в лейб-гвардии Кексгольмский императора австрийского полк.

Поручик Карл-Андрей Генрихович Кригер, геройски погибший 4 января 1878 г., был погребен в Болгарии, на кладбище у д. Паша Магале. Известно, что он был родом из Петербургской

губернии, лютеранского вероисповедания. Выпускник 2-го военного Константиновского училища, служил с 10 августа 1876 г. в Кексгольмском Гренадерском императора австрийского полку.

По окончании кампании офицер полка И.И. Федяй был командирован в Болгарию «строителем памятников павшим в боях офицерам и нижним чинам; за добросовестное исполнение возложенного поручения получил благодарность, объявленную в приказе по 3-ей Гвардейской Дивизии от 12 декабря 1878 г. за № 224»²⁰. Фотографии с изображением памятника Карлу Кригеру, местности, где он погиб, надгробной плиты нижним чинам были переданы в офицерское собрание Кексгольмского полка, из которого они поступили в организованный Б.В. Адамовичем полковой музей.

¹ Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. М., 1999. С. 383.

² ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 291. Л. 243–244.

³ Там же. Д. 294. Л. 84.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 291. Л. 244.

⁶ Там же. Д. 294. Л. 108 об.

⁷ Там же. Д. 1116. Л. 56–57.

⁸ Яков Вильгельм-Феофил Петрович Авенариус временно вступил в командование полком 31 декабря 1877 г. – после рапорта о болезни и отправке в Россию командира Кексгольмского полка генерал-майора Владимира Павловича Витторфа.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 137. Д. 295. Л. 40.

¹⁰ Там же. Д. 291. Л. 256.

¹¹ Там же. Д. 294. Л. 117–118.

¹² Там же. Д. 1116. Л. 58 об.

¹³ Там же. Ф. 137. Д. 294. Л. 119.

¹⁴ Там же. Д. 295. Л. 42 об.

¹⁵ Там же. Д. 294. Л. 119 об.

¹⁶ Там же. Л. 120.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 171.

¹⁹ Там же. Л. 158 об.

²⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 3. Л. 290. Дополнение к памятной записке полковника Федяя.